ИСТОРИЯ ЦИФРОВЫХ МЕТОДОВ

Андрей Володин

ЦИФРОВЫЕ ГУМАНИТАРИИ: ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН К ЭПИСТЕМИЧЕСКОМУ СООБЩЕСТВУ

В статье предлагается периодизация развития цифровых гуманитарных исследований (Digital Humanities, DH) в первой четверти XXI века, основанная на трёх последовательных этапах, каждый из которых объясняется через соответствующую социологическую концепцию науки. Первый этап (2004–2012 гг.) — период самоопределения и формирования «академических племён и территорий», когда DH осознавали себя как междисциплинарное поле с уникальной методологией. Второй этап (2013–2022 гг.) — эпоха «зон обмена», характеризующаяся прагматичным взаимодействием гуманитариев и инженеров через общие артефакты, данные и локальные языки. Третий, современный этап (с 2023 г.) — становление DH как эпистемического сообщества, активно влияющего на академическую политику, стандарты и производство знания. Статья показывает, как DH прошли путь от фрагментированного движения до консолидированного экспертного сообщества, способного отвечать на современные вызовы цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные исследования, цифровые гуманитарные науки, digital humanities, академические племена, зоны обмена, эпистемическое сообщество, периодизация эволюции научной дисциплины, междисциплинарность

Varietas delectat
Phaedrus

Андрей Юрьевич Володин
МГУ, СФУ
mailbox@volodin.info

DOI: 10.31860/cgi-2025-2-84-116

Мир[1] гуманитарного знания, веками хранимый в тишине архивов, библиотек и музеев, в начале XXI столетия услышал новый ритм — дискретный цифровой пульс. Под его воздействием начался не просто перевод в цифровые форматы старых текстов, изображений и артефактов, а рождение нового направления на карте науки — территории, где алгоритмы стали соавторами интерпретаций, а данные — новым языком диалога между эпохами. Эта история не о том, как компьютер пришёл в библиотеку, а о том, как сама мысль, встретившись с вычислительной мощью, отправилась в долгое, сложное и прекрасное путешествие — путь цифровых гуманитарных исследований, чьи этапы напоминают географические открытия: от описания первых академических «племён» и «территорий» до составления общего эпистемического атласа современного гуманитарного знания.

Периодизация и концептуализация развития цифровых гуманитарных исследований

Периодизация любого процесса всегда условна, но при этом полезна. Увидеть некоторые закономерности в многообразии изданий, дискуссий, манифестов и критических высказываний в Digital Humanities важно, чтобы хотя бы ненадолго понять, как складывается фарватер цифровых гуманитарных исследований[2].

В социологии науки разработано немало моделей жизненного цикла научных направлений, обычно они состоят из четырех этапов: нулевого — пионерского[3], первого — самоидентификационного, второго — формационного и третьего — устойчивого (или завершающего) [Плотинский 2001; Меу 1992].

Сложность построения периодизации такого разнородного направления как Digital Humanities связана с тем, что есть слишком большое количестве точек зрения на научный рост этого направления. Можно стараться смотреть свысока, наблюдая исключительно за глобальными изменениями (если они действительно существуют и имеют какой-то смысл за пределами англоязычного мира), можно смотреть за региональными тенденциями (чаще всего речь идет о европейской традиции, но в последнее время уделяется особое внимание и азиатским вариациям, прежде всего, в Индии, Китае, Японии и Южной Корее), можно сосредоточиться на страновых различиях (например, о DH в России написано уже немало [Gritsenko et al. 2022; Kizhner et al. 2022; Пильщиков 2022; Skorinkin 2023; Колозариди & Беляк 2024; Орехов & Володин 2024]). В этой ста-

тье предпринимается попытка увидеть общие тенденции, которые характеризуют направления развития Digital Humanities в первой четверти XXI века, с точки зрения тех, кто к этому направлению себя причисляет или хотя бы тяготеет. Причем понятно и логично, что ни один из читателей не согласится с представленной в статье трактовкой развития DH, но весьма вероятно увидит что-то знакомое и похожее на тот уникальный путь цифровых гуманитарных исследований, в котором участвовал сам.

Первый этап развития цифровых гуманитарных исследований можно начать 2004 годом, когда увидел свет «Компаньон по цифровым гуманитарным наукам» [Companion 2004], когда был создан Альянс DH-организаций (2005) и состоялся первый конгресс "Digital Humanities – 2006", и завершить 2011–2012 годами, когда появились «Манифест Digital Humanities» [Манифест 2011], вышел первый сборник из серии "Debates in the Digital Humanities" [Debates 2012], а также был опубликован учебник "Digital_Humanities" [Burdick et al. 2012].

Для описания этого этапа развития DH удачно подходит *концепция «академических племен и территорий»*, разработанная Тони Бекером и позже развитая в соавторстве с Полом Троулером [Becher & Trowler 2001; Trowler et al. 2012]. Суть концепции заключается в том, что академическое сообщество — это не единая монолитная структура, а совокупность разнообразных «племен» (сообществ ученых), каждое из которых обладает своей уникальной «территорией» (дисциплиной или областью знаний) со специфической культурой, ценностями, языком и способами познания. Смысл такой концепции состоит в том, чтобы посмотреть на академический мир через призму единства когнитивных (знание) и социальных (сообщество) аспектов, где каждая дисциплина представляет собой уникальную культурную и интеллектуальную экосистему со своими правилами игры. Дисциплинарные ландшафты знаний отличаются предметами изучения (что именно исследуют ученые в конкретной области?), методами и методиками (как именно они это исследуют?), структурой знания (как организована сама дисциплина?), темпами развития (быстро или медленно меняется область знаний?). Сообщества ученых, которые населяют эти дисциплинарные территории, характеризуются академической культурой (неформальными правилами, традициями, нормами поведения), ценностями и идеалами (прежде всего, что именно считается в дисциплине «хорошей работой», как определяется научная репутация, что важнее — публикация в престижном журнале или приклад-

ное значение исследования), языком и жаргоном (специфический язык, который одновременно является инструментом работы и системой опознавания «свой-чужой»), процессом социализации (как новые члены сообщества (например, магистранты, аспиранты) обучаются не только методам, но и негласным правилам «племени» через общение с руководителем, коллегами, участие в конференциях), идентичностью (ученый часто идентифицирует себя в первую очередь именно со своей дисциплиной («я – историк», «я – филолог» и т. д.), а не просто с профессией «ученый»). Главный вывод Бекера и Троулера заключается в том, что «территории» и «племена» неразрывно связаны. Когнитивная структура дисциплины (территория) формирует социальные практики сообщества (племени), и наоборот — социальные нормы и культура сообщества влияют на то, как развивается знание на этой территории. Говоря о гуманитарных науках,они отмечают их размытые общие парадигмы и низкий уровень консенсуса (сравнительно с сообществами ученых в естественных науках), а гуманитарные «племена» более индивидуалистичны, ценят личную интерпретацию и работу в одиночку, а репутация строится на авторитете отдельного ученого.

Второй этап развития цифровых гуманитарных исследований можно условно начать 2013 годом (выход статьи Алана Лю «Значение Digital Humanities» [Liu 2013] обозначил момент, когда внимание сообщества сместилось с технических вопросов об инструментах и методах на фундаментальные философские, культурные и политические вопросы («почему это нужно?», «каковы ценности DH?», «как DH соотносится с историей гуманитарной мысли?»), а в конце 2015 года уже появляется сигнальный номер «Нового компаньона по цифровым гуманитарным наукам» [A New Companion 2016], сформулировавший новую «целостную» и «самостоятельную» модель развития направления. Закончить этот период можно постепенным завершением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в 2022 году.

Этот этап развития DH можно описать разработанной Питером Галисоном *концепцией «зон обмена»,* которая описывает пространство (как физическое, так и интеллектуальное), где разные научные субкультуры с несовместимыми системами убеждений, языками и практиками могут успешно взаимодействовать для достижения общих целей через создание локальных средств коммуникации [Galison 1997; Галисон 2004]. Традиционная модель науки (например, у Т. Куна) предполагала, что ученые работают в рамках единой «парадигмы», но Галисон, изучая большие научные коллабора-

ции, показал и доказал, что академическое взаимодействие многослойно, и включает различные традиции — теоретизирование, эксперимент, изготовление инструментов и инженерная деятельность — которые зачастую пересекаются и преобразуют друг друга, но при этом не теряют своей самостоятельности. Суть концепции «зон обмена» состоит в том, что для успешного сотрудничества не требуется, чтобы все участники разделяли одни и те же фундаментальные убеждения или полностью понимали друг друга. Как на настоящем рынке, можно успешно торговать с человеком другой культуры, не зная его языка и верований, если у вас есть локальные правила обмена. В науке «валютой» обмена становятся данные, материалы, алгоритмы. Для этих целей в науке появляется «пиджин» — упрощенный язык, необходимый для базового общения между группами с разными родными языками (это могут быть и термины, и протоколы, и форматы данных). Со временем у нового поколения исследователей появляется креольский язык — это пиджин, который стал родным для нового поколения, то есть развился в полноценный язык. Часто появление такого языка связывается с новой гибридной дисциплиной (например, биоинформатикой, когда новый язык понятен и биологам, и программистам). Часто основой для зоны обмена служат не абстрактные идеи, а материальные объекты и стандартизированные практики. Самый простой пример материального объекта — база данных, которая становится платформой для обмена между учеными в конкретной дисциплине и специалистами по информационным технологиям. Фокус внимания концепции смещается с чистого «знания» на материальные артефакты, инструменты и практики, которые являются реальной основой научной кооперации. Галисон показывает, что наука развивается не только через революции и смену парадигм, но и через «горизонтальную» интеграцию разных, иногда даже кажущихся несовместимыми, научных культур. Концепция объясняет, что разнородность и непонимание в науке не являются препятствием, а, будучи грамотно организованными через локальные языки и обмен артефактами, становятся источником инноваций и двигателем научного прогресса.

Третий этап развития цифровых гуманитарных исследований происходит на наших глазах. Начался этот период, с одной стороны, с возобновления очных ежегодных DH-конгрессов (в 2023 году состоялся в австрийском Граце [Володин 2023а], в 2024 году — в Вашингтоне [Володин 2024], в 2025 году — в Лиссабоне [Володин 2025а]) и нового витка активного международного сотрудничества.

А с другой стороны, цифровые гуманитарии оказались в центре дискуссий о смысле гуманитарного знания в свете замечательных успехов машинного обучения и генеративных предобученных трансформеров как раз в 2023 году. Современный этап развития будет продолжаться, до условной середины 2030-х годов, когда, как уже было предсказано в предисловии к «Новому компаньону по цифровым гуманитарным наукам», весьма вероятно, эпитет «цифровой» может оказаться плеоназмом [A New Companion 2013 P. xvii].

Возможным способом понимания текущего этапа развития DH может послужить разработанная Питером Хаасом *концепция «эпистемического сообщества»*, которая заключается в том, что группы экспертов, объединенные общими научными убеждениями и пониманием актуальной проблематики, могут оказывать решающее влияние на формирование академической политики, особенно в сложных технических областях [Haas 2015]. Эпистемическое сообщество отличается общими принципиальными убеждениями, ценностями и представлениями о том, что является правильным или желательным. Ключевые ценности эпистемического сообщества: ценность действенного метода, ценность нового знания, ценность экспертной дискуссии. Члены сообщества используют взаимопонятные методы и стандарты для оценки достоверности информации, которые позволяют им приходить к консенсусу по поводу новых данных. При этом, эпистемическое сообщество не просто изучает проблему, но и стремится к реализации конкретных мер для ее решения, участников сообщества объединяет общее видение желаемого результата, обращая первостепенное внимание на роль качественных знаний и комплексной экспертизы. Суть концепции Хааса состоит в том, что в современном сложном мире власть основана не только на экономических или политических рычагах, но и на знании. Эпистемические сообщества могут играть роль «переводчиков» сложной реальности для лиц, принимающих решения, которые помогают определить проблему, ее причины и предлагают конкретные решения, тем самым формируя повестку дня.

Первое десятилетие цифровых гуманитарных исследований: племена и территории (само)определяются

Академические территории представляются как дисциплинарные ландшафты знаний. Речь идет о самом содержании дисциплин, с определенным предметом изучения, принятыми методами, с до-

статочно строгой структурой знания и привычным темпом развития. Племенами мы называем сообщества ученых, которые населяют эти территории. Такие сообщества характеризуются своей академической культурой, ценностями и идеалами, профессиональным языком и жаргоном. Концепция академических племен и территорий удачно подходит для анализа фазы становления цифровых гуманитарных исследований как динамичной и гибридной научной области. Ведь цифровые гуманитарные исследования изначально не были устоявшейся «территорией» с понятными методологическими границами, а представляли собой постоянное «пограничье», где происходит столкновение и смешение нескольких разных «племен».

Период с 2004 года стал временем самоопределения цифровых гуманитарных наук. В первое десятилетие с момента провозглашения понятия "digital humanities" в первом компаньоне по цифровым гуманитарным наукам [A Companion 2004], исследовательское поле цифровых гуманитариев перестало быть просто набором технических экспериментов в рамках традиционных гуманитарных дисциплин, а начало осознаваться как самостоятельное движение с собственными методологическими спорами, теоретическими парадигмами и внутренними конфликтами. Центральным процессом этого периода стало поиск самоопределения, которое выражалось в переходе от термина "Humanities Computing" (условно «гуманитарная информатика») к более широкому и интеллектуально заряженному "Digital Humanities" («цифровые гуманитарные науки» или «цифровые гуманитарные исследования»). Такой терминологический сдвиг символизировал не просто технологическое обновление, но и методологический поворот. Произошло смещение акцента с простого применения компьютеров как инструмента при решении гуманитарных научных задач на исследование в широком смысле взаимодействия человека и машины, а также на то, как именно цифровые технологии изменяют саму природу человеческого знания. Такой переход требовал от участников движения не только технических навыков, но и способности к рефлексии, теоретизации и критическому анализу самих цифровых практик.

Одним из самых значительных методологических событий этого этого стала публикация в 2004 году коллективной монографии "A Companion to Digital Humanities" под редакцией Сьюзан Шрайбман, Рэя Сименса и Джона Ансворта. Книга стала своего рода программным документом для нового поколения исследователей, потому что не просто собрала различные проекты и подходы, но и попыталась

систематизировать новое поле, объединив его вокруг общих методологических проблем и междисциплинарных интересов. В книге прозвучали голоса самых разных специалистов в области гуманитарных исследований: от лингвистов до археологов, объединенных идеей, что за пределами традиционных гуманитарных вопросов существует общее ядро методологических задач, связанных с созданием, анализом и сохранением гуманитарных объектов исследований в цифре. Таким образом, «Компаньон» установил новый стандарт сложности, изменив отношение к DH как простой технической поддержки традиционной науки, утверждая новый уровень качества интеллектуальных результатов. «Компаньон» заложил основы для дальнейших дебатов, которые вскоре начали наполнять поле содержанием.

Понятие “digital humanities” можно назвать изобретенной традицией. Как показали историки Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер, многие традиции, кажущиеся давними или претендующие на то, что они являются таковыми, нередко оказываются изобретёнными недавно [Hobsbawm & Ranger 1992]. Если в предыстории цифровых гуманитарных исследований можно встретить не только Р. Бузу, но и Ч. Бэббиджа, А. Лавлейс, а иногда и отсылки к Абу Абдуллаху Мухаммаду ибн Мусе аль-Хорезми, то сам термин имеет вполне понятную датировку — 2004 год. Именно благодаря «Компаньону по цифровым гуманитарным наукам» понятие “digital humanities” разлетелось по научному миру. А уже в «Новом компаньоне по цифровым гуманитарным наукам» редакторы С. Шрибман, Р. Сименс и Дж. Ансворт вспоминают: «Оглядываясь назад, становится ясно, что решение группы редакторов, подсказанное издателем, назвать оригинальный „Компаньон“ (2004 года – А.В.) изменило наш подход к этой области: мы перестали говорить о „гуманитарной информатике“ (“humanities computing” – А. В.) и стали говорить о „цифровых гуманитарных науках“ (“digital humanities” – А.В.). Редакторы этого и предыдущего томов, в разговоре с издателем, выбрали именно такое название для деятельности, представленной в нашем коллективном труде, чтобы сместить акцент с „вычислительной техники“ (“computing” – А. В.) на „гуманитарные науки“ (“humanities” – А. В.)» [A New Companion P. xvii].

На эту перемену самоназвания и был расчет в 2004 году, когда те же редакторы отмечали: «Эта коллекция („Компаньон по цифровым гуманитарным наукам“ – А. В.) знаменует собой поворотный момент в области цифровых гуманитарных наук: впервые широкий круг теоретиков и практиков, как тех, кто работает в этой

области уже десятилетиями, так и тех, кто недавно занялся ею, экспертов по дисциплинам, специалистов по информатике, библиотековедению и информационным исследованиям, собрались вместе, чтобы рассмотреть цифровые гуманитарные науки как самостоятельную дисциплину, а также поразмышлять о том, как они соотносятся с областями традиционных гуманитарных исследований» [A Companion P. xiii]. На страницах первого компаньона можно встретить размышления и о классической филологии, и об истории искусства, и об изменениях в археологии, и в лексикографии, и в литературоведении, и в исследованиях музыки и мультимедиа. Разнообразие сфер применения цифровых подходов наталкивает на мысль о периоде, когда цифровые гуманитарные исследования находились как раз в ситуации академических племен и территорий.

Центральным методологическим конфликтом, который развернулся в середине рассматриваемого периода, стала дихотомия между «медленным чтением» (close reading) и «дальним чтением» (distant reading). Концепция дальнего чтения, популяризированная и развитая литературоведом Франко Моретти и его коллегами из Stanford Literary Lab, представляла собой важный методологический вызов [Moretti 2013, Моретти 2016]. Вместо глубокого герменевтического анализа одного или нескольких текстов, дальнее чтение предлагало анализировать огромные корпуса литературных произведений с помощью алгоритмов для выявления масштабных паттернов, тем и структур, которые невозможно заметить при традиционном прочтении. Моретти в своих работах, таких как «Графы, карты, деревья» (Moretti 2007), продемонстрировал, как сетевая теория, тематическое моделирование и другие количественные методы могут использоваться для исследования литературной истории в ее целостности. Идея вызвала бурную реакцию. С одной стороны, она была воспринята как мощный инструмент для преодоления ограничений канона и изучения того, что Моретти назвал «великим непрочитанным». С другой стороны, сторонники традиционного герменевтического подхода возражали, что такой количественный анализ лишает текст контекста и не может заменить искусство глубокого понимания. Дискуссия вышла далеко за рамки литературоведения и затронула фундаментальные вопросы методологии в гуманитарных науках, заставив исследователей задуматься о роли интерпретации в эпоху больших данных.

На фоне этих методологических дебатов все большее значение приобретало понятие «смешанных методов» (mixed methods). Стало

очевидно, что ни один подход не является универсальным решением. Исследователи начали осознавать, что количественные данные должны быть осмыслены в качественном контексте, а качественные данные могут быть проанализированы с помощью количественных инструментов для выявления скрытых закономерностей. Этот подход, заимствованный из социальных наук, стал одним из ответов на критику, направленную против чрезмерной зависимости цифровых гуманитариев от алгоритмов. Концепция смешанных методов в гуманитарных науках явно стремилась найти баланс между человеческой интуицией и технологическими возможностями. Более того, методологические дискуссии стали выходить за рамки конкретных техник анализа текстов, началось осознание того, что сами данные, используемые для анализа, могут быть источником как возможностей, так и проблем. Например, Д. Гадд в своей работе «Использование и злоупотребление Early English Books Online (EEBO)» выступил с жесткой критикой популярного цифрового корпуса, указав на его ограниченную выборку и потенциальную предвзятость, которая может исказить результаты исследования [Gadd 2009]. Аналогичные проблемы стали возникать всё чаще, например, голландский проект *Pidemehs*, изучающий политическую культуру XX века, был вынужден ограничить свой анализ материалами до 1945 года из-за правовых ограничений на доступ к более свежим материалам, что создавало серьезные проблемы с репрезентативностью данных.

Другой серьезной методологической проблемой была высокая частота ошибок при оптическом распознавании символов (OCR), особенно при работе со старинными текстами. В некоторых случаях процент ошибок OCR превышал 80 %, что делало автоматизированный анализ практически невозможным без последующей доработки и верификации данных человеком. Например, в одном из проектов по анализу голландских газет XVIII века неверное чтение слова “verzuiling” привело к появлению ложных совпадений и искажению исторических выводов. Такие проблемы подчеркивали, что даже самые передовые цифровые методы требуют тщательной проверки и критического отношения к первоначальному материалу. Они также демонстрировали, что цифровые гуманитарные исследования не могут стать «автоматической» наукой, а требуют от исследователя тех же навыков критики источников, что и традиционные гуманитарные дисциплины, но в новой, цифровой среде.

Параллельно с развитием новых методов анализа текстов, происходила активная работа над методологией визуализации данных. Здесь главным теоретиком и одновременно критиком цифровых гуманитарных наук выступила Джоанна Дрюкер. В статье «Человеческие подходы к графическому отображению» она призвала отказаться от механистических и чисто статистических моделей визуализации в пользу подходов, которые бы сохраняли многозначность, неопределенность и эстетику оригинального текста [Drucker 2011]. Она считала, что цифровые гуманитарные науки должны интегрировать в свои методы гуманистические ценности, такие как вероятностный характер и исполнительская природа знания, которые часто игнорируются в строгих количественных подходах. В этой статье Дрюкер обратилась к понятию «капта» (capta), описывающему самостоятельно собранные исследователем данные, противопоставляя капту данным, которые кем-то даны, где-то загружены, получены «готовыми». Критика была частью более широкого движения по интеграции гуманистического мышления в саму технологию, что стало одной из ключевых идей Аллана Лю. Лю утверждал, что цифровые гуманитарные науки должны не просто использовать технологии, но и критически анализировать их, занимаясь культурной критикой самих технологических платформ, корпоративного контроля и неолиберальных тенденций в образовании [Liu 2012]. Он призывал цифровых гуманитариев обращаться к таким областям, как наука и технологии (STS) и медиа-археология, чтобы развивать более глубокую методологическую базу, основанную на понимании того, как технологии формируют нашу реальность. Стивен Рэмзи ввел понятие «алгоритмической критики», предполагающее, что компьютерные трансформации текста должны служить основой для интерпретации, а не для подтверждения уже сформулированных истин [Ramsay 2011]. Таким образом, в первое десятилетие развития DH методология цифровых гуманитарных наук представляла собой сложный, фрагментированный и постоянно развивающийся ландшафт, полный как вдохновляющих инноваций, так и серьезных этических и методологических вызовов.

С одной стороны, возникала борьба за легитимность. Территория DH — это область, оспариваемая у традиционных гуманитарных наук, где ключевым аргументов становится, что DH не просто использует инструменты, а задает новые исследовательские вопросы. С другой стороны, возникают пограничные конфликты, которые связаны с вопросами, кто может называться «цифровым гума-

нитарием»? Достаточно ли использовать цифровые инструменты, или нужно иметь соответствующее образование и публикации в соответствующих журналах? При этом начинает формироваться язык как маркер освоения новой территории. Возникает специфический устойчивый жаргон (TEI, OCR, GIS, sentiment analysis, distant reading), маркирующий принадлежность к научному направлению.

Главным глобальным институциональным решением этого этапа стало создание Альянса DH-организаций (Alliance of Digital Humanities Organizations, ADHO) в 2005 году. Первая ежегодная конференция под названием "Digital Humanities" состоялась в 2006 году в Университете Сорбонна (Париж, Франция). (До этого момента с 1989 года конференции проходили под эгидой двух ассоциаций — ACH (Association for Computers and the Humanities) & ALLC (Association for Literary and Linguistic Computing). С этого момента конференции ADHO становятся местом встречи цифровых племен, где они ищут общий язык. Постепенно складывается и общая инфраструктура, возникают первые DH-репозитории на GitHub (сам сервис появляется в 2008 году), появляются специализированные проекты вроде Programming Historian, и другие общие территории. Стоит отметить, что статус участников сообщества определяется не только публикациями, но и созданием работающих инструментов, цифровых архивов и успешных цифровых проектов.

Однако разноголосица относительно определения границ Digital Humanities закрепилась в связи с проектом Мэтью Голда, профессора английского языка и цифровых гуманитарных наук, из Нью-Йоркского городского колледжа (CUNY), открывшего сайт "What Is Digital Humanities?" в 2010 году. Более восьмисот определений DH были собраны краудсорсинговым методом накануне ежегодной конференции Альянса цифровых гуманитарных наук (ADHO). В 2009–2010 годах в DH-сообществе шли активные дебаты о том, как именно определить быстро развивающуюся область. Вместо того чтобы искать одно единственное определение, М. Голд решил продемонстрировать его множественность и разнообразие. Он и его коллеги использовали открытую таблицу, доступную для редактирования любым желающим. Ссылка на эту таблицу была распространена через рассылку по почтовым спискам сообщества (в первую очередь, по списку рассылки Humanist; сама рассылка была создана Уиллардом Маккарти в 1987 году) и в социальных сетях. Участников конференции ADHO и всех заинтересованных лиц попросили добавить в таблицу свои краткие определения Digital Humanities. Сообщество откликнулось очень активно, и в корот-

кие сроки были собраны сотни формулировок. Сайт устроен очень просто: при каждом обновлении страницы случайным образом выбирается одна из этих дефиниций. Некоторые из них серьёзные, некоторые ироничные, некоторые технические, а некоторые — поэтические. Вместе они создают «портрет» дисциплины этапа самоопределения через призму мнений самих её представителей.

Ответом на такую разноголосицу стал опубликованный на многих языках в 2011 году «Манифест Digital Humanities»: «“Цифровая революция” современного общества видоизменяет и ставит под вопрос традиционные формы создания и распространения знаний. По нашему мнению, цифровые методы исследований имеют значение для всех гуманитарных наук. Digital Humanities развиваются не с „чистого листа“. Напротив, они опираются на все научные парадигмы, знания и умения, накопленные каждой из соответствующих научных дисциплин, используя инструменты и перспективы, открывшиеся благодаря цифровым технологиям. Цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинарны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук» [Манифест 2011]. Для разных академических племен «Манифест» был выражением надежды для объединения «под зонтиком» Digital Humanities (много образов возникло из определения DH как зонтичного термина или umbrella term). «Манифест» достаточно удачно сформулировал повестку дня на следующее десятилетие, закрепив представление, что DH — это не про компьютеры в гуманитарных науках, а про новые формы мышления и познания, что практика создания может быть методом исследования, что критика должна быть неотъемлемой частью DH, а сами DH должны быть публичными, открытыми и вовлекающими сообщества за пределами академии.

В концепции «племен и территорий» DH видится не как монолит, а как конгломерат племен, борющихся за определение своей территории и легитимность внутри академии. Причем внутреннее размежевание (условно кодеры vs. интерпретаторы) столь же важно, как и внешние противопоставления (DH vs. традиционные гуманитарии) [Бурдьё 2018].

В 2012 году публикуется “Digital_Humanities” — учебник и своего рода дорожная карта для цифровых гуманитарных наук в момент их трансформации. Авторы (А. Бердик, Дж. Дрюкер, П. Лунефельд, Т. Пресснер, Дж. Шнапп) сравнивают переживаемую эпоху с изобретением печатного станка, когда гуманитарные

знания и методы получают беспрецедентное расширение благодаря цифровым технологиям. Текущую ситуацию авторы называют концом «нормальности». Время, когда о DH можно было говорить как о новости, подходит к концу. Работа с цифровыми инструментами и средами становится повседневной нормой для гуманитариев. Однако это изменение таит риск утраты критического и экспериментального духа, который был движущей силой ранних DH. Поле DH расширяется, потому что речь идет не просто про применение компьютеров в традиционных дисциплинах, а качественное расширение самого предмета и методов: акцент смещается с индивидуального, текстоцентричного анализа на коллаборативное создание, дизайн и визуализацию знаний в мультимедийных форматах. Ближайшим будущим видятся «генеративные гуманитарные науки», ядром современной практики DH становится создание прототипов, итеративность, принятие продуктовых неудач, работа с версиями. Знание создаётся в процессе дизайна и производства (например, платформ, баз данных, визуализаций), а не просто описывается. Нельзя не обращать внимания, что DH радикально меняют социальную жизнь гуманитарного знания, появляется распределённое авторство, открытые сетевые экономики знаний, стирание границ между академией и публичной сферой, вовлечение сообществ. Более того, любая публикация результатов гуманитарного исследования может становиться социальным, интерактивным актом. Ближайшие перспективы развития цифровых гуманитарных исследований виделись авторам в создании новых методов и жанров. Причиной тому необходимость развивать не только количественные методы (анализ больших данных), но и качественные, гуманистические вычислительные инструменты, способные работать с нюансами, субъективностью, многозначностью, что является сутью гуманитарного знания. Высказывалось требование пересмотреть системы академического признания (продумать критерии оценки проектов, а не только статей и монографий) в ситуации, когда будущее — за гибридными специалистами. Тем не менее, авторы видели в DH большие перспективы, потому что именно цифровые гуманитарные исследования должны стать основой обновлённого гуманитарного ядра в образовании XXI века, формируя критически мыслящих, медиаграмотных граждан, способных к синтезу и творческому решению проблем в сетевом мире. При этом DH-сообщество находится на передовой борьбы за открытый доступ к историко-культурному наследию, требующий реформирования авторского права и проти-

водействия коммерческой изоляции знаний, потому что будущее сообщества связано со свободой исследований современной культуры. Главный посыл книги, что Digital Humanities не техническая дисциплина, а масштабный гуманитарный проект по переосмыслению производства и социальной роли знания в цифровую эпоху, и необходимо сохранять в нём дух критики, экспериментирования и социальной ответственности.

Также в 2012 году выходят "Debates in the Digital Humanities" под редакцией Мэтью К. Голда в гибридном формате — как печатная книга и как открытый онлайн-ресурс, что само по себе было символичным жестом, воплощающим принципы обсуждаемой дисциплины [Gold 2012]. Первый том (будущей серии, которая ещё не планировалась) не просто документировал, а активно формировал дисциплину. «Дебаты» перевели разговор с вопроса «Как мы это делаем?» на вопрос «Почему мы это делаем и каковы последствия?». Благодаря сборнику внутренние споры в(округ) DH стали достоянием широкой академической общественности. В итоге полифония дебатов стала точкой отсчета для любого серьезного разговора о цифровых гуманитарных науках. По сути, этот сборник был моментом взросления DH, когда сообщество осознало себя достаточно зрелым, чтобы начать критиковать и исследовать само себя. До 2012 года DH существовали как динамичное, но достаточно разрозненное поле: были «пионеры» с техническими проектами, теоретики, скептики и множество экспериментаторов. Сборник стал важной попыткой собрать воедино, каталогизировать и осмыслить основные направления, методы и, что самое главное, споры внутри формирующегося поля.

Сборник, стал знаковой публикацией для своего времени, потому что представил не перечень определений о цифровых гуманитарных науках, а живую дискуссионную площадку, зафиксировавшую ключевые споры и точки роста DH. Книга завершает период самоопределения и легитимации DH в академическом сообществе. Её центральная задача — не дать окончательные ответы, а структурировать дебаты между так называемыми «дигитализирующими» гуманитариями (использующими цифровые инструменты для традиционных задач) и «дигитальными» гуманитариями (стремящимися к методологическому переосмыслению исследований под влиянием вычислительных методов). Структурно сборник делится на три ключевых раздела: «Дебаты», включающие теоретические и идеологические вызовы, критику DH со стороны традиционных гуманитариев, вопросах нового канона, институционального при-

знания, проблеме «двойного следа» (публикация в цифре и печати); «Практики», где демонстрируются конкретные исследовательские проекты и методы, от анализа культурных сетей до создания цифровых архивов, показывая DH в действии; «Профессии», рассматривающие влияние DH на академические карьеры, педагогику, библиотечное дело и вопросы открытого доступа. Главная ценность издания 2012 года — в его полемичности и диалогичности. В нём сталкиваются позиции скептиков (Стивен Рэмси, Дэниел Оллоуэй) и апологетов (Джоанна Дрюкер, Тара Макферсон), обсуждаются риски инструментализации гуманитарного знания и его новые возможности. Книга зафиксировала момент превращения DH в модный и влиятельный тренд, сопровождающийся как энтузиазмом, так и напряжённой рефлексией.

Название «Дебаты» стало программным. Сборник отошел от чисто технического или апологетического взгляда на DH сфокусировался на критическом осмыслении [Liu 2012]. Высказывались разные точки зрения. Звучала критика «больших данных» (являются ли DH просто сервисом по оцифровке для традиционных гуманитариев?), обсуждались вопросы институциональноый власти (кто получает гранты и чьи проекты оказываются в центре внимания, не воспроизводят ли DH традиционные иерархии?), как теория соотносится с практикой (есть ли в DH место для критической теории? является ли «кодирование» новой формой «чтения»?), может ли сообщество стать инклюзивным (насколько DH открыто для женщин, расовых и других меньшинств?). Таким образом, сборник стал манифестом (хотя и не назывался так, как программный документ 2011 года) «критических цифровых гуманитарных наук», которые не просто используют инструменты, но и рефлексируют над их влиянием на знание и общество. Серия продолжается до сих пор (тома выходили в 2016 [Gold & Klein 2016], 2019 [Gold & Klein 2019], 2023 годах [Gold & Klein 2023]). Каждый новый том фиксирует состояние дисциплины на новый момент времени, но именно пионерская роль первого издания 2012 года остается непревзойденной.

Таким образом, первое десятилетие самопровозглашенных Digital Humanities напоминало не планомерное освоение terra nullius, а бурный процесс собирания племен вокруг нового концептуального костра. Этот костер, разожженный «Компаньоном» 2004 года, осветил общую территорию, но одновременно отбросил тени, обнажив границы между «кодерами» и «интерпретаторами», между количественным «дальним чтением» и герменевтическим

«медленным». Рождающееся направление проходило достаточно болезненный путь роста и самоопределения от первых сборок цифровых инструментов в руках разных племен к становлению собственного методологического ландшафта.

Второе десятилетие цифровых гуманитарных исследований: зоны обмена

В междисциплинарных проектах «племена» с разными исследовательскими культурами, языками и практиками могут сотрудничать, создавая локальные языки («пиджины» или «креольские языки»), а также понятные протоколы для обмена ресурсами и решения конкретных задач без необходимости глубокого понимания мировоззрения друг друга.

В этом смысле DH является типичной «зоной обмена», когда гуманитарий предлагает исследовательские вопросы и знание контекста, а компьютерный специалист поставляет инструменты, методы, инфраструктуру. Предмет обмена также очевиден: гуманитарий получает данные, визуализации, инструменты для анализа, а инженер получает интересную проблему для решения, данные для работы, публикации, а иногда и финансирование. Прогресс направления происходит тогда, когда гуманитарий и инженер вдруг прорастают в одном человеке, а со временем таких людей становится всё больше и больше [Berry 2013].

Взаимодействия в зоне обмена порождают простой, ситуативный язык, например, для конкретного проекта («нужно извлечь все имена собственные из этого корпуса текстов»), а могут стремиться и к более развитому «креольскому языку», на котором говорят, например, цифровые историки, которые в равной мере владеют и историческим методом, и основами работы с шейп-файлами в ГИС [Kemman 2021]. Институционализация «зон обмена» происходит достаточно быстро, например, на рынке труда появляются смешенные позиции вроде «куратора данных в гуманитарных науках».

При этом успешный обмен в одном проекте (например, создание цифрового архива) не гарантирует взаимопонимания в другом (например, при попытке применить машинное обучение для интерпретации образов). Часто высказываются опасения о риске «неравного обмена», когда интересы одной дисциплины (например, компьютерной) доминируют над исследовательскими вопросами другой (например, гуманитарной) [Dobson 2019]. Концепция П. Галисона

объясняет, как возможно практическое сотрудничество в таком разнородном поле, как DH, показывая, что DH функционирует не через унификацию, а через создание множества локальных, прагматичных альянсов, где важен не консенсус, а успешность взаимных обменов.

Программным высказыванием для этого периода становится статья Алана Лю «Значение Digital Humanities» [Liu 2013], в которой подводится итог периоду самоидентификации и ставятся задачи развития направления. В работе утверждается, что DH находятся на этапе активного формирования идентичности, с дискуссиями о том, кто входит в поле, обязательно ли нужно уметь программировать, как сочетать техническую работу и глубокую интерпретацию. При этом цифровые гуманитарные исследования отличаются от близких областей (например, новых медиа) фокусом на текстах, архивах, исторических материалах и «старом» знании в широком смысле этого слова. Ключевая проблема развития обозначена как проблема значения (meaning problem), когда необходим переход от количественных данных к качественной интерпретации («от чисел к значению»), в качестве примера приводятся исследования Райна Хьюзера и Лонг Ле-Хака, когда машинные методы требуют подключения семантических ресурсов (исторического тезауруса) для генерации смысла. Важно учитывать, что DH изначально построен на гибридной методологии, предполагающей диалог между машинными методами и гуманитарной интерпретацией, а значит необходимо совмещать tabula-rasa-подход (объективного машинного анализа) с человеческим семантическим знанием. Важной сложностью момента Лю называет теоретические рамки DH и предлагает включить в цифровые гуманитарные исследования дизайн как метод генерации знаний, а не просто способ визуализации данных. А такой подход, как исследования науки и технологий (STS) может помочь понять, как технологические и человеческие практики взаимно формируют знания в DH. Хотя традиционные гуманитарии склоны критиковать цифровых, нельзя не заметить, что DH — это зеркало кризиса смыслов в гуманитарных науках, когда традиционные ценности (дух, субъективность, идентичность) сталкиваются с системными требованиями «цифрового знания» (данные, эффективность, влияние). Следствием этого оказываются вопросы преподавания гуманитарного знания, трудоустройства гуманитариев, а также институциональной поддержки в DH как части общего вызова для гуманитарных наук в цифровую эпоху. И правильно использовать DH не только как инструмент регистрации

кризиса, но и как силу для защиты и переосмысления гуманитарных ценностей. В частности, предлагая инициативу *4Humanities.org* как пример того, как DH могут выступать в роли адвокатов гуманитарного знания. Таким образом, своим визионерским взглядом Лю смог перенести акцент с технических аспектов DH на эпистемические и социальные вопросы, определить проблему значения как центральную для DH и гуманитарного знания, предложить новые теоретические рамки (дизайн, STS) для осмысления DH. И такой подход позволил позиционировать DH как поле, которое не просто использует технологии, но и ставит под вопрос будущее гуманитарного знания в цифровую эпоху. А значит DH должны не только анализировать, но и защищать гуманитарные ценности в современном мире.

В 2016 году увидел свет «Новый компаньон по цифровым гуманитарным наукам» под редакцией тех же троих благовестников DH Сьюзан Шрайбман, Рэя Сименса и Джона Ансворта, которые уже в предисловии заявили, что хотя и «остается спорным, следует ли рассматривать цифровые гуманитарные науки в качестве самостоятельной области знаний, а не всего лишь набора взаимосвязанных методов, но без сомнения, в 2015 году, цифровые гуманитарные исследования являются динамичной и быстро развивающейся областью научной деятельности» [A New Companion 2016 P. xvii]. Редакторы «Нового компаньона» вспоминают, что сознательно решили отказаться от термина “humanities computing” и начали использовать название “digital humanities” с целью перенести ударение с компьютинга на гуманитарные науки. «Может быть, через десять или двадцать лет определение “цифровой” будет казаться излишним применительно к гуманитарным наукам. Возможно, по мере того, как все большая доля нашего культурного наследия будет оцифрована или уже создана в цифре (born digital), станет ничем не примечательным тот факт, что цифровые методы используются для изучения человеческого творчества, а мы будем думать об исследованиях, описанных в этой книге, просто как о “гуманитарных”. Между тем, редакторы этого „Нового компаньона по цифровым гуманитарным наукам“ рады представить тщательно обновленный отчет о предметной области, как она существует сегодня» (P. xvii).

Новый компаньон включает 5 частей: инфраструктуры, создание, анализ, распространение и прошлое, настоящее, будущее цифровых гуманитарных наук. (Для сравнения в компаньоне 2004 года было 4 части: история, принципы, приложения и производство, рас-

пространение, архивирование.) В разделе «Инфраструктуры» обсуждаются такие вопросы, как интернет вещей, принципы коллективного использования данных и средств хранения оцифрованного культурного наследия. Раздел «Создание» посвящен особенностям междисциплинарных связей в цифровом контексте, новым медиа и вопросам моделирования, конструированию виртуальных миров и электронных библиотек. Раздел «Анализ» освещает моделирование данных, картографирование наблюдений, использование графических и мультимедийных форматов в цифровых исследованиях, анализ текстов и семантическую разметку. Раздел «Распространение» включает дискуссии о возможностях и ограничениях интерфейсов в цифровых проектах, о перспективах использования краудсорсинга и надеждах на разработку профессионального программного обеспечения для нужд цифровой гуманитаристики. Раздел о положении в современных гуманитарных науках описывает существующий научный ландшафт в этой области, изучает влияние глобализации и интернетофикации, обращает внимание на характерные черты цифровых исследовательских практик, прогнозирует ближайшие перемены в цифровой науке.

«Новый компаньон» показывает, что цифровые гуманитарные исследования переходят от теоретического самоопределения к научной практике – академическим открытиям и новым интерпретациям, памятуя об опасности оказаться «во власти программного обеспечения» . Как справедливо замечает К. Уорвик, не стоит буквально понимать пословицу «больше вкалывай – меньше болтай» (“more hack less yack”) в отношении таких создающихся областях, как цифровая гуманитаристика [A New Companion P. 538]. У. Томас поддерживает эту идею следующим размышлением: «Историки, литературные критики, философы, филологи, ученые, открывшие для себя цифровую гуманитарные науки, начинают перестройку научной деятельности и ее организационных форм для нового цифрового мира. Ученые стали открытыми для самых различных исследовательских методик, для обмена источниками и материалами (данными), и признали крупномасштабные распределенные модели научных проектов. Ученые пришли к важному признанию, что мы сейчас живем в эпоху огромной емкости, вездесущего хранения, связанной сетевой информации и беспрецедентного доступа. Вместо привычной манеры исследований, ориентированных на редкие материалы, к которым ограничен доступ, а эксперты самостоятельно проводят его отбор, цифровые гуманитарные науки в своих наиболее ярких проявлениях основываются на расширение сферы

гуманитарных исследований, открывая доступ к источникам, а также обогащая понятие научной деятельности» [A New Companion P. 524].

Период с 2013 по 2022 год стал для цифровых гуманитарных исследований стал временем ускорения роста, интенсивной интеграции в академическую систему и значительного усложнения методологического арсенала. Если предыдущее десятилетие было озарено вопросами о своей самобытности и роли в университетской среде, то рассматриваемый этап знаменует собой переход к стадии становления, где DH перестает быть нишевым направлением и начинает формировать собственные научные сообщества, инфраструктуру и линии внутренней критики.

Библиометрические исследования предоставляют убедительные данные о быстром росте DH. Анализ публикаций в различных базах данных показывает медленный, но стабильный рост до 2017 года, после чего следует резкий скачок в 2019 году, что указывает на ускорение исследовательской активности именно в рассматриваемый период. Одним из ключевых шагов в этом процессе стали создание и популяризация DH-журналов. Например, была проведена работа по составлению списка из 143 журналов, связанных с DH, путем комбинации экспертной оценки и анализа цитирований [Spinaci et al. 2022]. Список был классифицирован по степени содержания DH-контента: 34 журнала были отнесены к категории «исключительно» DH, 18 — «значительно» DH, 87 — «с признаками» DH, а также были указаны четыре «мега-журнала», где DH-публикации могут встречаться. Такие издания, как “Digital Scholarship in the Humanities” (до 2015 года назывался “Literary and Linguistic Computing”) и “Digital Humanities Quarterly”, стали центральными площадками для дискуссий и распространения исследований, формируя собственную экосистему научной коммуникации. Профессиональные журналы говорят о зрелости поля, способном поддерживать и развивать свои собственные каналы публикации, что является признаком институциональной зрелости.

В 2011 году появился ещё и журнал “The Journal of Digital Humanities”, который был объявлен экспериментом в области научной коммуникации, проводимый в рамках проекта электронного издательства PressForward «Центра истории и новых медиа имени Роя Розенцвейга» (RRCHNM). Журнал рассматривался как агрегатор быстро растущего поля DH-исследований и проектов. Журнал, финансируемый за счёт первого гранта PressForward (2011–2014) Фонда Альфреда П. Слоуна, был тесно связан с изданием “Digital

Humanities Now". Метрики публикаций в блоге и отклики на презентации на конференциях использовались для отбора контента, который затем дорабатывался, расширялся и в итоге публиковался в ежеквартальных выпусках. "JDH", будучи экспериментальным изданием, выполнил свою миссию по предоставлению необходимой информации для запуска аналогичных публикаций в широком спектре исследовательских организаций, что было основным направлением деятельности PressForward на втором (2014–2015) и третьем (2015–2018) этапах. После завершения этой роли "JDH" был заморожен, а предыдущие выпуски сохранены в архиве и доступны для скачивания по сей день. Среди весьма влиятельных статей этого экспериментального журнала была статья Кристофа Шёха «Большие? Умные? Чистые? Грязные? Данные в гуманитарных науках» [Schöch 2013].

Внимание к данным — важная характеристика периода развития «зон обмена» в Digital humanities, потому что если можно спорить о пользе и успехах обмена методиками между разными научными подходами под зонтиком DH, то обмен данными или даже в более материальной формулировке обмен базами данных — насущный и практически легко реализуемый способ цифрового обмена. Данные и базы данных в терминологии Галисона являются артефактами обмена. Как отмечал К. Шёх, гуманитарные данные – это цифровая, выборочно сконструированная, управляемая компьютером абстракция, представляющая некоторые аспекты определенного объекта гуманитарного исследования. «Независимо от того, являемся ли мы историками, использующими тексты или другие культурные артефакты как окна в другое время или другую культуру, или же мы литературоведы, использующие знания других времен и культур для построения смысла текстов, – утверждает К. Шёх, – цифровые данные добавляют еще один уровень посредничества в уравнение. Данные (а также инструменты, с помощью которых мы ими манипулируем) добавляют сложности в отношения между исследователями и их объектами изучения» [Schöch 2013 P. 3–4].

Методически данные получаются путем абстрагирования, т.е. отвлечения от несущественных (для исследователя и текущего исследования) характеристик объекта с целью определить его основные свойства и признаки, что позволяет сформулировать абстрактные понятия и модели, которые должны помочь понять суть изучаемого явления. При этом наблюдения собираются в определенную коллекцию (датасет), собранные сведения можно назвать каптой

(capta), или исследовательским «уловом» из изученных материалов, полнота и представительность которого требуют дополнительного доказательства и научного контекста [Володин 2019; Drucker 2011; Lavin 2021].

Постепенно происходил и методологический сдвиг в сторону использования все более сложных вычислительных техник: всё больше исследований было посвящено обработке естественного языка (natural language processing), тематическому моделированию (topic modeling), сетевому анализу (social network analysis), а также набирающему популярность машинному обучению (machine learning). Если ранний этап цифровых гуманитарных исследований был преимущественно сосредоточен на текстах, то период с 2013 по 2022 год характеризуется значительным расширением методологических рамок, включением новых типов данных и объектов исследования, выходящих за пределы текстов. Помимо анализа текстов, появился и начал активно развиваться визуальный анализ, включающий исследования потребления и производства изображений и пространственной информации для ответа на гуманитарные вопросы. Большое внимание таким сюжетам стала уделять «культурная аналитика». Такая реакция стала ответом на доминирование текстовых данных в раннем DH, возникла необходимость адаптировать вычислительные методы к работе с визуальным и пространственным знанием. Активно развивались методы компьютерного зрения для анализа произведений искусства, исторических фотографий, карт и других визуальных материалов, позволяющие выявлять скрытые паттерны, стилистические особенности и семантические связи, часто недоступные для непосредственного человеческого восприятия. Стали создаваться трехмерные модели архитектурных ансамблей, археологических находок или целых городских ландшафтов с помощью фотограмметрии, лазерного сканирования и компьютерной графики, позволяющие не только визуализировать, но и исследовать пространственные отношения, исторические изменения и функциональные характеристики культурных объектов. Стали широко применяться геоинформационные системы для исследования истории городов, культурных ландшафтов, распространения информации, миграции населения и других явлений, имеющих пространственные характеристики.

Важно отметить, что доминирующей формой публикаций на этом этапе остались рецензируемые статьи, что подчеркивает стремление DH к интеграции в традиционные академические стандарты и каноны. Хотя и происходит методологическое со-

зревание направления и стремление к его признанию в рамках существующей системы оценки научных достижений. Однако публикационная активность была далеко не равномерной. Географический анализ показывает явное доминирование англоязычных стран. США являются лидером по количеству публикаций, за которыми следуют Австралия, Индия и Великобритания. Ранние сборники “Debates in the Digital Humanities” фокусируются преимущественно на опыте исследователей из США, Канады и Великобритании, хотя к концу десятилетия наблюдается некоторое увеличение видимости исследователей из Азии, Латинской Америки и Африки.

Концепция «зон обмена» показывает, что наука развивается не только через революции и смену парадигм, но и через горизонтальную интеграцию разных, часто несовместимых, культур. Цифровые гуманитарные исследования яркий пример такого развития. С одной стороны, такая концепция объясняет успехи междисциплинарности: от биоинформатики, нейроэкономики к культуромике, цифровым гуманитарным исследованиям, где объединяются специалисты с абсолютно разным научным видением мира. П. Галисон обращает внимание на материальные артефакты, инструменты и практики, которые являются реальной основой научной кооперации. И в этом свете яснее можно увидеть дискуссии цифровых гуманитариев о репозиториях, аналитических сервисах и устойчивости методических решений. В итоге концепция «зон обмена» Питера Галисона — это мощный инструмент для понимания того, как разнородность и непонимание в науке не являются препятствием, а будучи грамотно организованными через локальные языки и обмен артефактами, становятся источником инноваций и двигателем научного прогресса [Láng & Megyesi 2024].

Третье десятилетие цифровых гуманитарных исследований: эпистемическое сообщество

Эпистемическое сообщество — это сеть профессионалов с признанной экспертизой в определенной области и авторитетом в формулировании политики и стандартов. Профессионалов объединяют общие эпистемические убеждения, общие критерии валидации знания, а также общая политическая программа. Если мы переносим эту концепцию на DH нельзя не заметить убежденность сообщества в том, что вычислительные методы могут привести к новым, неочевидным и масштабируемым выводам в гуманитарной сфере

(простым примером являются дискуссии вокруг «дальнего чтения» Франко Моретти). При этом сообщество провозглашает общими ценности открытости и коллаборативности, интероперабельности данных и повторяемости исследований. Процедуры валидации знания в DH вполне устоялись. Статьи и проекты могут оцениваться как на академическую строгость, так и на техническую состоятельность. При этом критерии успеха расширились, так как не только цитируемость, но и использование сообществом созданного инструментария или датасета становится важным. Причем принятие сообществом стандартов кодирования (например, TEI) является актом выработки консенсуса о том, что считать «правильными» данными.

Члены эпистемического сообщества DH становятся экспертами в грантодающих организациях, в том числе, по возможности, продвигая определенные типы проектов. Заметно и влияние на университетскую политику, включая лоббирование создания новых DH-центров и департаментов, разработку критериев найма, учитывающих цифровой портфель.

Концепция эпистемического сообщества Питера Хааса может оказаться очень продуктивной для анализа и понимания области современных цифровых гуманитарных исследований. Фактически, DH можно рассматривать как складывающееся эпистемическое сообщество в академической среде. Digital Humanities имеют ясные общие принципиальные убеждения. К ним можно отнести веру в потенциал цифровых технологий для трансформации гуманитарных исследований, преподавания и сохранения культурного наследия. Устойчивым можно назвать и убеждение в том, что количественные методы, визуализация данных и алгоритмический анализ могут раскрыть новые паттерны и задать новые вопросы в традиционно качественных дисциплинах. Цифровые гуманитарии высказываются в пользу открытости, сотрудничества и междисциплинарности, часто в противовес традиционной работе гуманитария-«одиночки». Принцип публичности гуманитарного знания отражает весьма распространенное стремление сделать результаты исследований доступными и полезными за пределами научных кругов.

Цифровые гуманитарные исследования опираются и на общие научные принципы, причем эти принципы можно считать общими несмотря на то, из каких дисциплин в цифру гуманитарии пришли. Цифровые гуманитарии уверены, что культуру и историю можно моделировать как данные, а эти данные можно структури-

ровать, анализировать и визуализировать. Цифровые гуманитарии разделяют точку зрения, что цифровые инструменты (от текстового и сетевого анализа до ГИС и 3D-моделирования) являются не просто вспомогательными, а эпистемическими, то есть меняют саму природу задаваемых вопросов и производимого знания. При этом, достигнут консенсус о важности стандартов и интероперабельности (например, использование TEI для разметки текстов, принципов Linked Open Data при разработке баз данных) как необходимых условий для прогресса направления [Цифровые 2023].

DH-сообщество активно вырабатывает свои стандарты, внедряя практики рецензирования не только для статей, но и для цифровых проектов, инструментов и наборов данных. (Про открытое рецензирование заявок на ежегодные DH-конгрессы с помощью системы ConfTool см. [Володин 2023а]). Важным шагом в развитии направления стало признание цифровых проектов в качестве полноценных академических результатов наравне с монографиями. Многими цифровыми гуманитариями была воспринята из компьютерных наук культура открытого кода и данных (публикуемых в репозиториях вроде GitHub или Zenodo), а также подробного документирования исследований, гарантирующего повторяемость результатов. Всё чаще звучат призывы к критическому рефлексивному подходу к самим инструментам и методам (в частности речь о цифровой герменевтике [Володин 2025]).

При этом, вполне заметной является и формирующаяся политическая программа DH-сообщества. Если в начале пути аббревиатура DH была красивым брендом, то сейчас она становится и определенной силой. Сообщество DH активно лоббирует конкретные изменения в академии и за ее пределами. Например, ясно звучат настоятельные требования реформировать систему оценки научного труда, которая должна признать цифровые публикации, датасеты, цифровые гуманитарные проекты [Парад 2025]. В образовательной сфере DH-сообщество наиболее успешно — внедрение курсов по программированию, работе с данными для студентов-гуманитариев уже распространено повсеместно, хотя часто и без достаточной рефлексивной компоненты [Будь 2024]. Цифровые гуманитарии в разных странах борются за устойчивое финансирование не только исследований, но и цифровой инфраструктуры (проекты, лаборатории, хранилища, платформы), одновременно отстаивая политику открытого доступа к научным и культурным материалам.

Существование такой метаорганизации, как ADHO (Alliance of Digital Humanities Organizations), со своими ежегодными DH-конгрессами, ключевым международным журналом (Digital Scholarship in the Humanities) и цифровыми стандартами — институциональные признаки зрелого эпистемического сообщества.

DH как сообщество сформировалось в ситуации неопределенности, когда традиционные гуманитарные науки столкнулись с «цифровым поворотом». Цифровые гуманитарии выступили в инициативной роли переводчиков, объясняющих коллегам-гуманитариям, что такое данные, и коллегам-инженерам — что такое культурный контекст [Drucker & Albrezzi 2026]. Внутренние конфликты оказываются уверенными признаками жизни. Дискуссии между «строителями» (tool-builders) и «интерпретаторами» (theorists) или споры о «дальнем» (distant) и «медленном» (close) чтении — это не слабость, а признак творческого подхода сообщества к выработке общих убеждений. В последнее время в некоторых регионах заметно влияние DH-сообщества на академическую политику, когда сообщество напрямую влияет на политику финансирующих организаций, продвигая гранты именно на цифровые инфраструктурные проекты для гуманитарных исследований.

Тем не менее, нельзя не сделать несколько оговорок. Во-первых, несмотря на ясные общие принципы цифровых гуманитариев, нельзя не заметить тематическую гетерогенность сообщества: филолог, работающий с текстовыми корпусами, и археолог, создающий 3D-реконструкцию, наблюдают разный материал и могут говорить на совсем разных языках. DH отличается высокой степень динамичности: исследовательское поле меняется слишком быстро, и общие принципы могут устаревать с появлением новых технологий (особенно, конечно, такие вопросы обострились с очередным витком развития технологий искусственного интеллекта [Орехов 2023]). Как и в любой экспертной группе, в DH есть свои центры власти, доминирующие институции и «звезды», что может противоречить идеализированному образу сообщества равных, объединенных только поиском истины. Причем звезды часто склонны больше других сомневаются в единстве сообщества или правильности выбранного пути [см. Moretti 2022].

Концепция эпистемического сообщества помогает объяснить, как междисциплинарная область смогла консолидироваться, выработать общие нормы, повлиять на академическую политику и создать узнаваемую идентичность. Изучение DH через призму сообщества позволяет увидеть не просто набор проектов, а соци-

альный механизм производства нового типа гуманитарного знания. Цифровые гуманитарии — интересный пример эпистемического сообщества, которое сформировалось в ответ на вызовы цифровой эпохи и активно трансформирует ландшафт гуманитарного знания. Главная эпистемическая роль цифровых гуманитарных наук — быть мостом между двумя культурами: точными компьютерными науками и герменевтическими гуманитарными науками, предлагая гибридный методологический аппарат. Сообщество цифровых гуманитариев становится лабораторией новых форм научной коммуникации, коллаборации и производства знания, опыт которой важен для науки в целом. Перспективы развития цифровых гуманитарных исследований связаны с преодолением внутренних методологических разрывов, ответом на этическую критику и углубленной теоретической рефлексией собственных практик в ситуации развития агентного искусственного интеллекта.

Таким образом, от первых робких шагов самоопределяющихся «академических племён» через плодотворные, хотя и непростые «зоны обмена» цифровые гуманитарные исследования пришли к состоянию зрелого эпистемического сообщества — сообщества, которое не только отражает цифровой поворот в гуманитарном знании, но и активно формирует его повестку, стандарты и будущее. Этот путь — от фрагментированного движения к консолидированной экспертной силе — демонстрирует, как диалог между гуманитарной рефлексией и вычислительной мощью способен порождать не только новые методы, но и новые формы знания, новые способы его производства и социального бытования. Сегодня цифровые гуманитарные исследования — это уже не просто инструментарий или междисциплинарная гибридизация, а эпистемический императив, живая лаборатория мысли, где создаются мосты между смыслом и алгоритмом, традицией и инновацией, человеком и машиной. Как писал, комментируя послание Павла к Ефесянам, Фома Аквинский, вдохновивший Роберто Бузу на первый цифровой гуманитарный проект: “Non progredi est regredi”.

Примечания

[1] Хочу выразить благодарность *О. В. Алиевой* и *Б. В. Орехову*, организаторам круглого стола «Digitalia Humaniora: память о будущем» *(28.11.2024 г.)* на конференции «Гуманитарные науки в XXI веке: между текстом и цифрой», побудивших к этому рассуждению. Отдельная признательность коллегам — *А. А. Бонч-Осмоловской,*

Л. И. Бородкину, Д. А. Гагариной, И. А. Кижнер, П. В. Колозариди, Р. Б. Кончакову, М. А. Лаптевой, М. С. Мироненко, Е. М. Севериной — за возможность бесед, кратких и долгих, очных и онлайн, с обсуждением отдельных аспектов развития эпистемического сообщества цифровых гуманитариев, рассмотренных в этой статье. Всё ценное в статье — результат общения с коллегами, все ошибки — мои собственные.

[2] Digital Humanities, DH, цифровые гуманитарные науки, цифровые гуманитарные исследования используются в статье как синонимы. На русском языке в 2010-е годы для перевода Digital Humanities использовались преимущественно названия «цифровые гуманитарные науки» и «цифровая гуманитаристика», которые в 2020-е годы постепенно вытесняются определением «цифровые гуманитарные исследования», особенно после выхода одноименной коллективной монографии [Цифровые 2023].

[3] Про пионерский этап в этой статье ничего не будет сказано, с одной стороны, потому что уже достаточно на эту тему написано, с другой стороны, авторская версия пионерского этапа изложена в первой главе коллективной монографии «Парад цифровых гуманитарных проектов» [Парад 2025 С. 6–33].

Литература

Исследования

Будь 2024 — Будь в курсе цифровых гуманитарных исследований: коллективная монография / Отв. ред. А. Ю. Володин. Красноярск: СФУ, 2024. 204 с. URL: https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1"=\T2A\CYRB\T2A\CYRB\T2A\CYRK71%2F\T2A\CYRB+903--289731

Бурдьё 2018 — Бурдьё П. Homo academicus. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 464 с.

Володин 2014 — Володин А. Ю. Digital humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Серия История. 2014. Т. 26, № 3. С. 5–12.

Володин 2019 — Володин А. Ю. Между data и capta: проблемы датафикации исторических исследований // Вестник Перм. ун-та. История. 2019. № 3 (46). С. 137–145.

Володин 2023 — Володин А. “Digital Humanities-2023” в Граце живьём: идеи, методы и тыквенное масло // Историческая информатика. 2023. № 4. С. 167–175. DOI: 10.7256/2585–7797.2023.4.69431

Володин 2023а — Володин А. “Digital Humanities-2023” в Граце живьём: идеи, методы и тыквенное масло // Историческая информатика. 2023. № 4. С. 167–175. DOI: 10.7256/2585–7797.2023.4.69431

Володин 2024 — Володин А. “Digital Humanities-2024” в Вашингтоне: переосмысление, ответственность и гибрид как lifestyle // Историческая информатика. 2024. № 3. С. 130–143. DOI: 10.7256/2585–7797.2024.3.71479

Володин 2025 — Володин А. Ю. Цифровая герменевтика исторического источника: формализация как толкование // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2 (69). С. 87–100. DOI: 10.17072/2219–3111–2025–2-87–100

Володин 2025а — Володин А. “Digital Humanities-2025” в Лиссабоне: доступность, гражданственность и pavo cristatus // Историческая информатика. 2025. № 3. С. 241–256. DOI: 10.7256/2585–7797.2025.4.75507

Галисон 2004 — Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 64–91.

Колозариди & Беляк 2024 — Колозариди П., Беляк Г. Н. Цифровая гуманитаристика как стадия научного знания: четыре метафоры // Логос (После алгоритмов). 2024. Т. 34. № 6(163). С. 179–202.

Манифест 2011 — Манифест Digital Humanities (26.03.2011). URL: https://tcp.hypotheses.org/501

Моретти 2016 — Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. пер. И. Кушнарева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 352 с.

Орехов & Володин 2024 — Орехов Б. Володин А. Digital Humanities в России и конец истории // Цифровые гуманитарные исследования. 2024. № 1. С. 63–85. 10.31860/cgi-2024–1-63–85

Орехов 2023 — Орехов Б. В. Текст и знание в аспекте больших языковых моделей // Историческая информатика. 2023. № 4. С. 104–113. DOI: 10.7256/2585–7797.2023.4.44180

Парад 2025 — Парад цифровых гуманитарных проектов: коллективная монография / Отв. ред. А. Ю. Володин. Красноярск: СФУ, 2025. 286 с. URL: https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1"=\T2A\CYRB\T2A\CYRB\T2A\CYRK71%2F\T2A\CYRP+180--445824

Пильщиков 2022 — Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities: Интервью и дискуссии (2015–2021) / общая редакция и составление В. С. Полиловой. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2022. 190 с.

Плотинский 2001 — Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. С. 123–138.

Цифровые 2023 — Цифровые гуманитарные исследования: коллективная монография. Красноярск: СФУ, 2023. 272 с. URL: https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1"=\T2A\CYRB\T2A\CYRB\T2A\CYRK71%2F\T2A\CYRC+752--494468

A Companion 2004 — Schreibman S., Siemens R., & Unsworth J. (Eds.). A Companion to Digital Humanities. Blackwell Publishing, 2004. 612 p.

A New Companion 2016 — Schreibman S., Siemens R., & Unsworth J. (Eds.) A New Companion to Digital Humanities. Wiley Blackwell. 2016. 568 p.

Becher & Trowler 2001 — Becher T., Trowler P.R. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Discipline. Open University Press, 2001. 238 p.

Berry 2013 — Berry, D.M. (ed.). Understanding digital humanities. Palgrave Macmillan, 2013. 318 p.

Burdick et al. 2012 — Burdick A., Drucker J., Lunenfeld P., Presner T., & Schnapp J. Digital_humanities. MIT Press, 2012. 152 p.

Dobson 2019 — Dobson J.E. Critical Digital Humanities: The Search for a Methodology, University of Illinois Press, 2019. 200 p.

Drucker & Albrezzi 2026 — Drucker Johanna, Albrezzi Francesca. The Digital Humanities Coursebook. Applied Concepts and Critical Approaches. Routledge, 2026. 154 p.

Drucker 2011 — Drucker J. Humanities Approaches to Graphical Display // DHQ: Digital Humanities Quarterly. 2011. Vol. 5. № 1. URL: https://dhq.digitalhumanities.org/vol/5/1/000091/000091.html

Drucker 2012 — Drucker J. Humanistic Theory and Digital Scholarship // Debates in the Digital Humanities / Matthew K. Gold (ed.). Minneapolis, MN, 2012. DOI: 10.5749/minnesota/9780816677948.003.0011

Gadd 2009 — Gadd I. The Use and Misuse of Early English Books Online // Literature Compass. 2009. № 3 (6). P. 680–692.

Galison 1997 — Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. University of Chicago Press, 1997. 982 p.

Gold & Klein 2016 — Gold, M. K., & Klein, L. F. (eds.). Debates in the Digital Humanities 2016. University of Minnesota Press, 2016. 632 p.

Gold & Klein 2019 — Gold, M. K., & Klein, L. F. (eds.). Debates in the Digital Humanities 2016. University of Minnesota Press, 2019. 560 p.

Gold & Klein 2023 — Gold, M. K., & Klein, L. F. (eds.). (2023). Debates in the digital humanities 2023. University of Minnesota Press. 520 p.

Gold 2012 — Gold, M. K. (ed.). Debates in the Digital Humanities. University of Minnesota Press, 2012. 504 p.

Gritsenko 2021 — Gritsenko, D., Wijermars, M., & Kopotev, M. (eds.). The Palgrave handbook of digital Russia studies. Palgrave Macmillan. 2021. 640 p.

Haas 2015 — Haas P. Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics. Routledge, 2015. 420 p.

Hobsbawm & Ranger 1992 — Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1992. 324 p.

Kemman 2021 — Kemman M. Trading Zones of Digital History (Studies in Digital History and Hermeneutics. Walter de Gruyter, 2021. 188 p.

Kizhner et al. 2022 — Kizhner I., Terras M., Orekhov B., Manovich L., Kim I., Rumyantsev M., Bonch-Osmolovskaya A. The History and Context of the Digital Humanities in Russia // Global Debates in the Digital Humanities / ed. Domenico Fiormonte, Paola Ricaurte, Sukanta Chaudhuri. University of Minnesota Press, 2022. P. 55–70.

Láng & Megyesi 2024 — Láng B., Megyesi B. An STS analysis of a digital humanities collaboration: trading zones, boundary objects, and interactional expertise in the DECRYPT project // Palgrave Communications. 2024. Vol. 11(1) December. Pp. 1–17.

Lavin 2021 — Lavin M. Why Digital Humanists Should Emphasize Situated Data over Capta // DHQ: Digital Humanities Quarterly. 2021. Vol. 15, no. 2. URL: https://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/15/2/000556/000556.html

Liu 2012 — Liu A. Where Is Cultural Criticism in the Digital Humanities? // Gold, M. K. (ed.). Debates in the digital humanities. University of Minnesota Press, 2012. P. 490–509.

Liu 2013 — Liu A. The Meaning of the Digital Humanities // PMLA (Publications of the Modern Language Association of America). Vol. 128, No. 2 (March 2013), pp. 409–423.

Mey 1992 — Mey M. de. The cognitive paradigm. University of Chicago Press, 1992. 346 p.

Moretti 2007 — Moretti F. Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for Literary History. New-York, London: Verso Books, 2007. 128 p.

Moretti 2013 — Moretti F. Distant Reading. New-York, London: Verso Books, 2013. 256 p.

Moretti 2022 — Moretti F. Falso Movimento. La svolta quantitativa nello studio della letteratura. Milano: Nottetempo, 2022. 160 p.

O'Sullivan 2023 — O'Sullivan, J. (ed.). The Bloomsbury handbook to the digital humanities. Bloomsbury Academic, 2023. 512 p.

Ramsay 2011 — Ramsay S. Reading Machines: Toward an Algorithmic Criticism (Topics in the Digital Humanities). University of Illinois Press, 2011. 112 p.

Schöch 2013 — Schöch C. Big? Smart? Clean? Messy? Data in the Humanities // Journal of Digital Humanities. 2013. Vol. 2 №. 3 (Summer).

Skorinkin 2023 — Skorinkin D. Digital Humanities in Russia Was Forever, Until It Was No More: The Story of Russian Digital Humanities in 2011–2022 // Canadian-American Slavic Studies 57, 1–2 (2023): 209–221.

Spinaci et al. 2022 — Spinaci G., Colavizza G., Peroni S. A map of Digital Humanities research across bibliographic data sources // Digital Scholarship in the Humanities. 2022. № 4 (37). С. 1254–1268.

Trowler et al. 2012 — Paul Trowler, Murray Saunders, Veronica Bamber (eds.) Tribes and Territories in the 21st Century Rethinking the significance of disciplines in higher education. Routledge, 2012 312 p.